

У. П. Суздалова

Семантика образа орла в традиционной культуре якутов

Статья посвящена анализу различных значений образа орла в культуре саха. Затрагиваются вопросы присутствия «зооморфного кода» в традиционной якутской культуре. Фиксируется значимость орнитологического пантеона, включающего стерха, лебедя, а также других зооморфных персонажей картины мира якутов. Отдельное внимание сосредотачивается на спектре значений образа орла, включающем восприятие данной птицы как: одного из верховных божеств, царь-птицы; грозного духа Верхнего мира, по имени Горбоносый Хотой (Орел) Айыы; начала, связанного со справедливым возмездием и легитимизацией власти; как птицы, дарующей камень счастья; сказочной птицы Бар Джагыл; солярного символа, связанного не только с солнцем, но и с циклической сменой времен года; как «мать-зверя» – прародительницы и покровительницы якутских шаманов; как двухглавой мифической птицы Ёксёкю; как посланника духа войны; родового, полового и индивидуального тотема; геральдического образа; как персонафикации победы; оберега; птицы, давшей людям огонь; как вещей птицы; как формы воплощения души умершего, отправляющейся на небо и др. Фиксируемые коннотации образа орла сопровождаются примерами из эпических текстов, легенд, сказок и песен. Отдельно рассматриваются современные интерпретации образа орла, генетически связанные с традиционной сферой якутской культуры.

Ключевые слова: традиционная якутская культура, культуругенез, «зооморфный код», орел, олонхо, шаман, тотем, оберег

Uliana P. Suzdalova

Semantics of the image of an eagle in the traditional culture of Sakha

The article focuses on the analysis of various meanings of the image of the eagle in the Sakha culture. It addresses the presence of the “zoomorphic code” in traditional Yakut culture. The significance of the ornithological pantheon, including the Siberian Crane, swan, and other zoomorphic characters of the Yakut world picture, is determined. The main focus in the article is on the spectrum of meanings of the image of the eagle, including the perception of this bird as: one of the supreme deities, the king-bird; the warrior spirit of the Upper World, named Hunchbacked Hotoy (Eagle) Aiyu; principles legitimizing power; like a bird giving a stone of happiness; a fairy bird Bar Jagyl; a solar symbol associated not only with the sun but also with the cyclical change of seasons; as the ancestor and patron of the Yakut shamans; as the two-headed mythical bird Yoksyu; as a messenger of the spirit of war; patrimonial, sexual and individual totem; a heraldic image; as a personification of victory; amulets; the bird that gave people fire; an oracular bird; as a form of embodiment of the soul of the deceased, going to heaven, etc. Fixed connotations of the eagle’s image are coupled with numerous examples from epic texts, legends, tales and songs. Modern interpretations of the image of the eagle, genetically related to the traditional sphere of the Yakut culture are dealt separately.

Keywords: traditional Yakut culture, cultural genesis, «zoomorphic code», eagle, olonkho, shaman, totem, amulet

DOI 10.30725/2619-0303-2020-4-104-110

Начиная с древности мир человеческой культуры был тесно связан с природой. Постоянно взаимодействуя с окружающей реальностью и создавая внегенетический способ адаптации, люди никогда не утрачивали связи с окружающим миром, включая его растительные и животные составляющие.

Вследствии высокой роли, которую играли и продолжают играть животные во многих культурах, они обретали соответствующие ценностно-смысловые и сакральные статусы, конкретизируясь во множестве образов; они становились первопредками человеческого рода, объектами перевоплощения человека; многие качества животных человек почитал, старался копировать и переносить на окружающих; на животных охотились, их созерцали, они жили и продолжают жить рядом с человеком. Значи-

мость животного мира выразилась в том, что через него человек стал осваивать реальность на самых ранних этапах истории, сформировав в культуре так называемый «зооморфный код». Данный «код», включающий зооморфные образы способен кодировать представления общества об окружающем мире, М. А. Храмова, трактует как часть мифологического кода, поскольку образы тех или иных животных часто используются при моделировании мира. Кроме того, исследователь указывает на явную включенность зооморфного кода в языковую картину мира, на его проявления в литературе и искусстве, особенно в изобразительной сфере. При этом внутренняя структура «зооморфного кода», символические формы выразительности и правила комбинирования способны изменяться во времени, хотя его характерные особенности все

Семантика образа орла в традиционной культуре якутов

же сохраняются [1, с. 13]. Архетипически укорененное проявление данного кода можно наблюдать в культуре детства на уровне того, что ребенок эффективней и глубже осваивает реальность через образы животных, занимающих в картине мира ребенка важнейшее место и во многом являющихся объектом его ориентации в формировании «образа жизни» [2, с. 294–295].

Интерес к миру дикой природы и животных достаточно ярко проявляется в культурах, относящихся к номадическому типу, включающему культуру, основанные на скотоводстве, собирательстве и охотничьем образе жизни. Кроме того, значимость дикой природы находит свое выражение в культурах, содержащих элементы кочевья или оседлого скотоводства. В таких культурах особым статусом наделялись животные, с которыми человек был тесно связан, т. е. разводил их, охотился на них либо делал тотемным объектом и т. п.

Внимание представителей культур, полностью или частично связанных со скотоводством и охотой, всегда привлекали сильные, хищные, быстроногие животные, пархающие в небе птицы и другие существа. На протяжении истории культуры человек обожествлял их, создавал тотемы, персонифицировал в фольклоре и сложной образной семантике. В результате животные стали своеобразным индикатором мировоззренческих и ценностно-смысловых установок многих культур, включая культуру саха.

В картине мира якутов особыми символическими свойствами издавна обладали звероморфные, хтонические и другие образы живых существ. Отдельное место в этом пантеоне отводилось птицам. При этом особым статусом в «орнитологическом пантеоне» наделялся образ орла, как олицетворения неба, солнца, свободы, победы, царя-птицы, процесс формирования которого начался уже на самом раннем этапе культурогенеза якутов.

Образ орла является достаточно древним и присутствует в культуре разных народов. В мировоззрении якутов данная птица выступает воплощением многих добродетелей и нравственных качеств. На формирование целого спектра семантических значений и культа орла особое влияние оказали биологические свойства данной птицы: внешний вид, издаваемые звуки, хищные качества и т. д. В якутской мифологии, обрядах и обычаях наиболее четко прослеживается почитание орла как:

1. одного из верховных божеств, Царь-птицы;
2. грозного духа Верхнего мира, по имени Горбоносый Хотой (Орел) Айыы;
3. начала, связанного со справедливым возмездием и легитимизацией власти;

4. птицы, дарующей камень счастья;
5. сказочной птицы Бар Джагыл;
6. солярного символа, связанного не только с солнцем, но и с циклической сменой времен года;
7. «мать-зверя» – прародительницы и покровительницы якутских шаманов;
8. двухглавой мифической птицы Ёксёкю;
9. посланника духа войны;
10. родового, полового и индивидуального тотема;
11. геральдического образа;
12. персонификации победы;
13. берега;
14. птицы, давшей людям огонь;
15. вещей птицы;
16. формы воплощения души умершего, отправляющейся на небо.

Итак, в якутской мифологии образ орла ассоциируется с одним из верховных божеств, – Царь-птицей, которая восседает на самой макушке ствола мирового дерева – Аал-Луук мас. В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» фигурирует персонаж “с железным кованым клювом, / с железными перьями / с крыльями, поднимающими пыль, / полыхающий огнем, / сверкающий как звезда / Полосатый небесный орел» [3, с. 189]. Меняя свой облик, мифическая птица имела возможность странствовать по всем трем мирам (Верхний, Срединный, Нижний). Издалека Царь-птица могла походить на огонь, полыхающий с западной стороны неба, иногда она превращалась в облако дыма. Когда небесный орел опускался из облаков, над Срединным миром гремел гром, поднималась буря. Орел спускался с целью управлять людьми, устанавливать порядок в мироустройстве.

Также в эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» говорится, что помимо светлых божеств Айыы в Верхнем мире проживали и злые духи. К числу таких злых духов относится и Горбоносый Хотой Айыы который считался создателем орлов и некоторых родов [4, с. 113], поскольку к процессу создания многих других родов сопряжены иные мифические персонажи в якутском пантеоне. Поэтому предки якутов с давних времен поклонялись этой птице. Убившего или просто «непочтившего» орла постигает ужасная кара со стороны Хотой Айыы. Считалось, что убитый орел летит к создателю и жалуется на убившего человека. Тогда грозный дух посылает человеку болезнь, от которой он умирает в страшных муках [4, с. 91]. Иногда возмездие Горбоносого Хотой Айыы передается на членов семьи и ближайших родственников виновника. От мести Хотой Айыы может избавить только сильный шаман.

Очень интересен в данном случае, рассказ П. Л. Львова – жителя Магасского наслега Верхневилуйского района, записанный в 1965 г. «Р. Ксенофонт убил пегого орла и мясо съел. После этого он заболел и умер от гнойной нарывы. Если бы помазал свои нарывы пеплом от перьев орла, то наверняка выздоровел. А может он и помазал, орел не помиловился» [4, с. 50].

Якуты верили, что если орел вздумает сделать человеку зло, то он не отлетает от его жилища. В такой ситуации в качестве шанса избежать зла необходимо было кормить орла до тех пор, пока он не улетит добровольно или не умрет своей смертью [5, с. 92].

Мертвого орла оборачивали в бересту и сооружали арангас на дереве, наподобие шаманских захоронений и оставляли там. Считалось, что таким образом дух птицы возвращался к своим предкам [5, с. 92].

Исходя из того, что принадлежавший к верховному пантеону Хотой Айыы спускается с небес, чтобы наказать того, кто убил священную птицу, сформировалась коннотация образа орла, как начала, утверждающего справедливое возмездие. В тесной связи с указанным сюжетом находится коннотация образа Хотой Айыы как персонажа, легитимирующего власть. Близость к этому божеству определяла общественный статус вождя, военного предводителя, признаваемого его прямым потомком [6, с. 289]. К примеру, существует легенда, что князец Батулинского района Оногосчут Ыраев имел покровителя пестрого орла.

Якуты приписывали хищной птице человеческие качества. Считалось, что орел умеет не только проклинать людей, но и способен одарить человека, спасшего его из беды, камнем счастья обладающим магическими свойствами [7, с. 109]. Об этом говорит легенда о жизни Оногосчута Ыраева – князца Батулинского района. Оногосчут был человеком необыкновенным, одаренным большими способностями. Умер он в глубокой старости и наредкость отличался крепким здоровьем и счастьем, которое, согласно поверьям, он получил от пестрого орла [8].

В документах, записанных советским этнографом А. А. Поповым дается описание ритуала добычи счастья у пестрого орла: разыскав на дереве гнездо пестрого орла, подстилают под ним оленью шкуру и лежат на ней, закрыв голову медным котлом. Как только орел прилетит, громко ударяют в котел. Испуганная птица роняет круглый камешек, похожий на яйцо, разбивает с досады когтями котел на части и улетает. Этот камень и приносит его обладателю счастье [8].

Следующим семантическим аспектом образа орла является его восприятие как сказоч-

ной птицы Бар Джагыл с серебряным хвостом и крыльями, в которую обращается шаманка Айыы Умсуур. Шаманка была старшей сестрой, наставницей и покровительницей богатыря Нюргун Боотура, который ведет смертельную схватку за утверждение жизни на Срединной земле. Спустившись с небес, похожая на белый костер Айыы восседает на верхушке лиственницы и кидает ему в рот будто утки-гоголя яйцо, где содержится сгусток силы [3, с. 128–130].

В появлении культа орла особую роль сыграло почитание якутами солнца, издревле называвших себя его «детьми». Показательно, что национальный праздник Ысыах проводится в двадцатых числах июня месяца, в дни летнего солнцестояния. В традиционных представлениях саха орел находится ближе всех существ к светилу и тем самым выступает как солярный символ, дарующий свет, тепло и добро.

Саха связывает царя-птицу с циклическим возрождением природы, так как по некоторым фольклорным данным, орел несет в когтях солнце, его прилет совпадал с приходом весны. Зима в поверьях якутов выступает в виде черного быка, дышащего туманом и холодом, орел же олицетворяет весну. С окончанием зимнего времени между ними начинается борьба, которая завершается растерзанием быка пернатым хищником. Данное представление о смене времен года у якутов является исконным и отличается от соседних народов Севера. Вероятно, предки якутов могли принести с собой указанный сюжет с «юга», поскольку, согласно одной из теорий якутского этногенеза, материальная и духовная культура коневодов и скотоводов Средней Лены (Туймады) «южного», центральноазиатского происхождения [9, с. 99–100].

Образ орла также ярко проявлялся в шаманизме, имевшем широкое распространение в культуре якутов до принятия христианства, но не утратившем своей значимости до настоящего времени. Шаманы-ойуны являлись посредниками между божествами, духами и людьми. Шаманами становились особенные люди, которые призывались к службе духами Верхнего либо Нижнего мира. Они врачевали, проводили обряды очищения, заклинания, защищали от нападков нечистых сил. Шаман символически отправлялся в другой мир, чтобы найти причины несчастий и воздействовать на них.

Согласно повериям якутов, орел («мать-зверь»), будучи прародителем и покровителем якутских шаманов, забирал души некоторых детей для подготовки из них верхних шаманов. Будучи под покровительством «матери-зверя», душа ребенка, которому было предназначено стать шаманом, хранилась в дупле лиственни-

цы, в железной люльке, мать-зверь кормила ее орлиными яйцами и передавала шаманские знания. Про самых сильных шаманов говорили «орлом вручен» [10, с. 8]. Некоторые детские души, которые трудно воспринимали шаманскую выучку, мать-зверь вынимала из дупла, давала обсохнуть крыльям и откармливала пестрыми рыбами и двухглавыми орлами Ёксёку [11, с. 283].

Рукава шаманского одеяния олицетворяли крылья орла. Шаман в процессе «полета» перенимал качества птицы, чтобы перенестись через различные труднопроходимые места, а также с целью самосохранения.

В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» встречается образ мифического чудовища, в виде трехглавого орла с раздвоенным хвостом и хищными железными перьями. Данный персонаж является посланником духа войны – Илбис, который символизирует кровожадность. Он подобен черному костру, имеет огненные, бьющие смертоносной молнией глаза [3, с. 126].

Еще один семантический аспект образа орла связан с его восприятием как тотема у некоторых родов и улусов Якутии. Представители данных родов верили в родственную связь между ними и орлом. Подобные понятия о духах-покровителях рода или семьи отчасти были персонификацией древних представлений якутов, которые наделяли сверхъестественными свойствами явления окружающей природы. Тотемной птице суждено было защищать и охранять свой род, улус. С почитанием орла как тотема был связан ряд запретов – запрещалось убивать, есть тотемную птицу, произносить вслух его зооним.

Представители Хангаласского улуса видели в образе орла своего покровителя. По легенде, птица помогла выжить зачинателю их рода во время засухи и голода. Так во время переживаемых трудностей над родоначальником улуса пролетала стая гусей, орел сшиб с неба одного гуся специально для него, спасая от голодной смерти. Таким образом, хищная птица не только спасла хангаласцев, но и стала их покровителем и родовым тотемом. Показательно, что образ священной птицы с распростертыми крыльями на вершине мирового древа Аал-Луук мас, запечатлен на гербе Хангаласского улуса. Кроме хангаласцев орел был тотемом хоринцев, батулинцев и рода Чорду Оленекского района [7, с. 37–39].

Также показательна геральдическая семантика орла, запечатленная на гербе города Якутска, столицы республики Саха. На нем изображен черный орел, поддерживающий когтями червленого соболя.

Кроме того, образ священной птицы может выступать как тотем, сопричастность к которому касается мужчин одного рода или улуса. Издревле считалось, что прошедший инициацию мужчина уподобляется орлу [6, с. 284]. Проявление родства мужчин и орла просматривается в обрядах, связанных с поднятием воинственного духа, когда юноши под звуки бубна исполняли танец орла, маркирующий статус мужчины и во многом основанный с наблюдениями за природой. По свидетельству специалиста по этническим танцам народов Сибири М. Я. Жорницкой, подражательные танцы были частью обрядов тотемического характера [12, с. 54]. Танец исполняется молодыми людьми, которые, передвигаясь по кругу, раскидывают широко руки, тем самым имитируя крылья птицы в динамике полета и издавая звуки, подобно клекоту орла.

Кроме того, образ орла в культуре якутов связан с аспектом деторождения, так как к птице-покровителю обращались бездетные женщины с просьбой о даровании души ребенка. Выпрошенные таким образом дети, как правило мальчики, назывались «произшедшие от орла» [10, с. 8]; царь-птица становился их индивидуальным тотемом, который мистическим образом влиял на судьбы детей.

Выраженная мужская сопричастность орла, а также хищные качества данной птицы, доминирующей в небе и поражающей добычу на земле, соотнесенность с мужскими качествами характера, защитника-воина и победителя, делает образ орла персонификацией победы. Указанная семантика встречается во многих традиционных культурах, в том числе и в якутской. Например, ботура, одержавшего победу по борьбе хапсагай, сравнивали с хищной птицей. Эта традиция продолжается и в наши дни, так с 1995 г. в Якутске во время праздника Ысыах проводится национальное многоборье «Игры Дыгына». Соревнование является самой зрелищной частью Ысыаха в долине Туймада, в котором принимают участие спортсмены со всей Якутии. Победителя состязаний по традиции сравнивают с орлом; последние четыре года им является Егор Филиппов – «Хангаласский орел».

Тесно связанной с тотемной является обереговая функция изображения орла. Якуты считают, что человека ежедневно подстерегают 40 возможных опасностей. Для того чтобы предостеречься, ему нужно соблюдать не только моральные и общественные правила, но и иметь оберег. Считается, что предмет с изображением орла придает силы, мужество и прозорливость их владельцу, привлекает благополучие. Согласно поверьям якутов, различные обереги являлись вместилищем духовных субстанций,

«жизнедействующих» согласно форме-оболочке, в которой они пребывают [6, с. 291]. Якуты называли этих духов иччи. Слово «иччи» в якутском языке имеет несколько значений: владетель, хозяин, владыка; хранители, духи-властители, представители особого рода существ, пребывающих в определенных предметах и явлениях природы; содержимое, сущность, внутренняя таинственная сила, имеющаяся в каком-нибудь предмете [13, стб. 989].

Еще одна коннотация образа орла связана с огнем, поскольку, согласно преданиям якутского фольклора, орел был одной из птиц, принесшей огонь своим тотемным родам после его утраты. Легенда, записанная А. А. Поповым у С. Корьякина из первого батулинского наслега бывшего Вилюйского округа, гласит: «Очень давно, когда еще людей было немного, все якуты жили вместе. Однажды спустился сильный ветер и разбросал всех людей в разные стороны, и они лишились огня, так как добытый ими огонь погас. Тогда каждому роду в отдельности стали приносить огонь различные птицы; их-то и начали эти роды считать своими божествами. К числу этих птиц относились: лебедь, ястреб и орел. При встрече с такой птицей мужчины, падая ниц, закрывали лицо ладонями, а женщины надевали тангалай – узорную нарядную безрукавку из ровдуги» [14, с. 281]. Кроме того, существует ряд обрядовых аспектов, связывающих орла и огонь. Показательно, например, что обряд высекания при накожных нарывах, насланных духом-хозяином огня, мог совершать только человек, имеющий своим тотемным предком орла.

Если обратить внимание на формы воплощения образа орла в якутском эпосе, то можно встретить следующий семантический вариант – возможность предвидеть и предсказывать будущее. В эпосе, увековеченном П. А. Ойунским, «Нюргун Боотур Стремительный» говорится о Могучем Баалтааны – кузнеце, который посреди долины Кылладыкы [3, с. 67], поставил восьмигранные, красной меди коновязи-столбы. А на среднем медном столбе посадил огромного вещего орла, чтобы дом охранял и недруга узнавал. Эта птица порой распахивала крылья, пронзительно кричала, издавала грозные клекоты, предвещала грядущие события [3, с. 68].

В контексте рассматриваемого спектра значений хищной птицы, необходимо указать, что традиционные представления об орнитологических образах, которые сохранялись и обогащались на всех этапах культурогенеза якутов, устойчиво транслируются и преобразуются в наши дни. Такая тенденция касается и образа орла, дополняющегося все новыми семантическими значениями и подвергающегося различ-

ным трансформациям. Показательно, что, реализуя принцип взаимосвязи всех «годовых колец» культурогенеза, не исчезающих по прошествии времени, а накапливающихся, сопричастующих и взаимодействующих между собой, многие современные коннотации орла, создаваемые в культуре якутов, имеют точки пересечения с прошлым на уровне аллюзий, либо отражают древние представления предков о смысловом статусе данной птицы напрямую.

В частности, об особенном отношении к орлу говорит художественный фильм Э. Новикова «Царь птица» (по мотивам рассказа В. Яковлева-Далана «Со мною состарившаяся лиственница»), снятый в 2018 г. под руководством компании «Сахафильм» и получивший главный приз Московского международного кинофестиваля в 2019 г. Картина рассказывает о старике и старухе, живущих в глубинке Якутии в 1930-е гг. Главные герои занимаются скотоводством и рыболовством. Однажды к ним во двор прилетает орел, садится на верхушке лиственницы и не улетает. Испугавшиеся старики начинают подкармливать оголодавшую птицу, чтобы она не нападала на их скот. Думая, что это проклятие высших божеств, они вызывают шамана. После камлания оказывается, что старик в прошлом разорил гнездо орла и главный герой воспринимает визит царя-птицы как возмездие прародителя Хотой Айыы, как результат перехода недопустимого отношения к орлу.

Далее, в ходе развития событий, в канун Рождества птица залетела в жилище стариков и поселилась в углу с иконами. Со временем главные герои привыкают к новому «соседу», даже начинают относиться как к родному, будто бы птица прилетела на замену их мертвому сыну. Здесь происходит смена семантического облика – образ орла предстает как символ освобожденной души от плоти мертвого человека. У якутов считается, что душа умершего человека превращается в орла, так как душа усопшего должна улетать вверх [15, с. 17]. К концу зимы орел приносит старикам в котях рыжую лисицу в знак благодарения, как вознаграждение за проживание. Тем самым в фильме было раскрыто несколько семантических значений орла, уходящих своими корнями в традиционные основы якутской культуры.

В качестве примера трансляции образа орла в современном якутском музыкальном искусстве можно привести творчество рок-группы «Чолбон», в частности песню «Ты – орел» («Эн хотойгун», 1991 г.). В песне дается самобытное представление народа саха о мужественности, интерпретируются ценности и качества, касающиеся места и роли мужчины в обществе: «Я

Семантика образа орла в традиционной культуре якутов

орел, я великий! Ищу я в жизни звезду, свое призвание».

В 2014 г. в местности Куллаты Хангаласского улуса была установлена стела бронзового орла, воспарящего над долиной Эркэни. В народе появилась добрая традиция останавливаться у стелы и просить благословения самого Хотой Айыы. Так же тотемная птица хангаласцев украшала эмблему Ысыаха Олонхо 2014, который проходил в городе Покровске. Орел желтого цвета, имеющий форму мирового дерева Аал-Луук мас, обнимающий белое солнце, символизирует единство улусов республики, а сомкнутые крылья – якутский круговой танец осуохай, хвост птицы напоминает женское нагрудное украшение илинкэлин кэбисэр.

В 2019 г. у международного аэропорта «Якутск» имени Платона Ойунского появился новый логотип – мифический трехглавый орел. Дизайнеры исходили из того, что орел – покровитель и покровитель неба. Фасад здания аэровокзала украшен головой орла, а контур трехглавого орла на плоскостях напоминает самолет с турбинами.

Изображения сакральных зооморфных образов якутской культуры нашли отражения на лицевой стороне наградной атрибутики, а именно на соревнованиях по национальным видам спорта «Игры Манчаары – 2017», которые проводились в селе Верхневилуйск Верхневилуйского улуса. Победителям по стрельбе из лука были вручены медали и кубки с изображением орла, символизирующего зоркость и меткость. Данная спортивность образа орла к наградной атрибутике достаточно ярко проявляет указанный выше семантический аспект восприятия хищной птицы как персонификации победы.

Фирма «Хотоу Yakutia» (с якут. Орел Якутии) под руководством молодых якутских дизайнеров на протяжении нескольких лет шьет и распространяет одежду с национальным колоритом по всей стране. На эмблеме фирмы изображена царь-птица в динамике полета на черном фоне.

Также в регионе распространена индустрия сувениров, призванная закреплять и транслировать этно-традиционные и историко-культурные особенности, а также налаживать межкультурные связи и диалог. Сувениры прочно вошли в сферу туризма и межкультурных контактов, бизнеса и корпоративной культуры, они представляют собой особый тип подарка или памятного артефакта, притягательность которого обусловлена «расширением» пространства смыслов и ассоциаций, которые сувенир вызывает. Сувенир всегда о чем-то напоминает, и эти напомина-

ния являются куда более сложной реальностью, нежели внешняя форма и утилитарные функции самого предмета [16, с. 93].

Наконец, образы, которые соответствуют этнотрадиционным началам, могут превращаться в бренды и логотипы. Рекламно-производственные компании активно представляют интересы якутских мастеров для реализации туристского потенциала и формирования имиджа региона. В связи с этим в магазинах для туристов можно найти большое количество тематических предметов народного художественного промысла. Особенными и уникальными считаются декоративные и ювелирные изделия с зооморфными мотивами. Сувениры с изображением орла являются одним из важных национальных символов Якутии. Магниты, значки, обереги с почитаемой птицей более информативны и ассоциативны в духовно-ценностном аспекте. Нанесение изображения орла в динамике полета на текстильные изделия: футболки, бейсболки и толстовки – яркое явление в молодежной моде.

Отдельное место в современной продукции занимают ювелирные изделия: мужские подвески, кольца-печатки, апплицированные образом почтенной птицы. Подобные украшения являются не только хорошим подарком, но и транслируют культурно-историческое наследие региона. Украшения и сувениры, сочетающиеся с функцией оберега в виде орла, создают иллюзию наполненности мига, расширения пространства человеческих возможностей, иллюзию насыщенной и интенсивной жизни, характеризуют особенности современной потребительской цивилизации [17, с. 36].

Проведенный анализ семантики образа орла в культуре саха показал, что данный образ имеет богатую палитру значений и сопряжен с основными этапами историогенеза якутской культуры. Будучи тесно связанным с месторазвитием и образом жизни якутов, образ орла укоренился в мировоззрении данного этноса, обнаруживая свое проявление и на современном этапе истории, при этом сохраняя как традиционную смысловую нагрузку, так и обретая новые значения, во многом связанные с распространенными и утвердившимися в культуре саха смыслами. Обращает на себя внимание, что уровень допустимых отклонений в современных интерпретациях образа орла, как правило не превышает. Данное обстоятельство соответствует историко-генетической преемственности мировоззренческих оснований, ценностно-смысловой сферы, основных форм и образов традиционной якутской культуры, транслируемых и обновляемых в наши дни.

Список литературы

1. Храмова М. Н. Специфика образных представлений о животном мире // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 12–17.
2. Суворов Н. Н. Животные в картине мира ребенка. Опыт реконструкции // Информационное пространство и дети: образоват. возможности и манипулятив. воздействия: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 293–297.
3. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / воссоздан на основе нар. сказаний П. А. Ойунский; пер. на рус. яз. В. Державин. Якутск: Кн. изд-во, 1975. 438 с.
4. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 198 с.
5. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
6. Калинина И. В. Зверь-тотем в типологии образов // Актуальные проблемы изучения архаики: материалы теорет. семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 283–294.
7. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
8. Архив РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 24.
9. Габышев Е. С. Культ солнца в мифологии якутов: проблема древних этнокультурных параллелей: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 204 с.
10. Ионов В. М. Орел по воззрениям якутов. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1913. 28 с. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук; вып. 16).
11. Попов А. А. Получение шаманского дара у Вилюйских якутов // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 283–293.
12. Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии. М.: Наука, 1966. 167 с.
13. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М.: АН СССР, 1959. Т. 1, вып. 1/4. [4], XIX с., 1280 стб.
14. Попов А. А. Материалы по истории религии якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 255–323.
15. Лукина А. Г. Традиционные танцы саха: идеи, образы, лексика: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2005. 45 с.
16. Леонов И. В., Соловьева В. Л. Этно-традиционный сувенир в пространстве массовой культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 93–98.
17. Махлина С. Т. Семiotика – модный бренд в культуре // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб., 2013. Т. 198: Мода в контексте культуры, вып. 5. С. 33–38.

References

1. Khramova M. N. Specificity city of animal representations in culture. Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture and Arts. 2014. 1 (18), 12–17 (in Russ.).
2. Suvorov N. N. Animals in child's world picture. Reconstruction experience. Information space and children: educational opportunities and manipulative influences: coll. of sci. art. SPb.: Publ. house of the Polytechnic Univ., 2016. 293–297 (in Russ.).
3. Oyunsky P. A. (reated based on folk tales), Derzhavin V. (transl.) Nyurgun Botur the Swift: Yakut heroic epos olonkho. Yakutsk: Publ. house, 1975. 438 (in Russ.).
4. Alekseev N. A. Traditional religious beliefs of the Yakut in the XIX–XX centuries. Novosibirsk: Nauka, 1975. 198 (in Russ.).
5. Kulakovskiy A. E. Scientific works. Yakutsk: Publ. house, 1979. 484 (in Russ.).
6. Kalinina I. V. The beast-totem in the typology of images // Actual problems of studying the archaic: materials of the theoretical seminar «Theory and methodology of the archaic» 1996–2012. SPb.: Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, 2014. 283–294 (in Russ.).
7. Alekseev N. A. Early forms of religion of the turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk, Nauka, 1980. 317 (in Russ.).
8. Archive of Russian Academy of Sciences. F. 14. Op. 1. № 20. 24 (in Russ.).
9. Gabyshev E. S. Cult of the sun in the mythology of the Yakuts: the problem of ancient ethnocultural parallels: dis. on competition of sci. degree PhD in history. SPb., 1998. 204 (in Russ.).
10. Ionov V. M. Eagle according to the views of the Yakuts. SPb.: typ. Imp. Acad. Sciences, 1913. 28. (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences; 16) (in Russ.).
11. Popov A. A. Receiving a shamanic gift from Vilyui Yakuts. *Proceedings of N. N. Miklukho-Maklay's Institute of Ethnography*. M.; L., 1947. 2, 283–293 (in Russ.).
12. Zhornitskaya M. Ya. Folk dancing of Yakutia. M.: Nauka, 1966. 167 (in Russ.).
13. Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut language. M.: USSR Acad. of Sciences, 1959. 1 (1/4), [4], XIX, 1280 (in Russ.).
14. Popov A. A. Materials on the history of the Yakut religion. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. M.; L.: Publ. house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 11, 255–323 (in Russ.).
15. Lukina A. G. Traditional Sakha dances: ideas, images, vocabulary: abstr. dis. on competition of sci. degree PhD in art studies. M., 2005.45 (in Russ.).
16. Leonov I. V., Solovyova V. L. Ethno-traditional souvenir in mass culture. *Bulleten of the Saint-Petersburg State University of Culture*. 2019. 1 (38), 93–98 (in Russ.).
17. Makhlina S. T. Semiotics – a fashion brand in culture. *Proceedings of the Saint-Petersburg State University of Culture and Arts*. SPb., 2013. 198 (5): Fashion in the context of culture, 33–38 (in Russ.).